

Александр Федута

*Письма
прошедшего
времени*

*Материалы к истории литературы
и литературного быта
Российской Империи*

Минск «Лимариус» 2009

ТРИ «БУДРЫСА»: авторский текст — подстрочник — поэтический перевод

Баллада «Trzech Budrysów (Ballada litewska)» — бесспорный шедевр Адама Мицкевича — прочно вошла в сознание русскоязычного читателя во многом благодаря переводу «Будрыс и его сыновья», принадлежавшему перу А. С. Пушкина. Канонизация этой блестящей поэтической интерпретации одновременно привела к тому, что соперничество с Пушкиным стало для русских поэтов невозможным. Вместе с тем первым переводчиком баллады Мицкевича на русский язык стал не Пушкин, а другой литератор — хороший знакомый Мицкевича, активный популяризатор его творчества Ф. В. Булгарин. Правда, Булгарин, некоторое время грешивший стихосложением, все же не отважился предложить собственную поэтическую интерпретацию «Будрысов» и ограничился лишь прозаическим подстрочником, который тем не менее был опубликован буквально вслед за печатным появлением подлинника, то есть намного ранее пушкинского перевода.

Подстрочник Булгарина был опубликован в журнале «Сынъ Отечества и Северный Архивъ» (1829, т. V, с. 113—115). Подстрочник опубликован анонимно, однако, поскольку из двух соредкторов объединенного издания польским владел именно Булгарин, в его авторстве сомнений ни у кого не возникало. Весьма вероятно, что Пушкин, внимательно читавший издания Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча¹, был знаком и с этим номером их журнала. В этом случае его внимание наверняка обратило примечание переводчика: *«Эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты сказа и легкости. Форма стихосложенья совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ окончательное слово на цезурѣ составляетъ рифму съ последнимъ»*. И далее: *«Прелесть языка потеряна въ переводѣ, но читатели увидятъ, по крайней мѣрѣ, какъ Польскій Поэтъ умѣетъ замысловато рассказывать вещи самыя*

¹ Об этом свидетельствует, в частности, описание номеров «Сына Отечества» и «Северного архива» (до их объединения), сохранившихся в библиотеке Пушкина. См.: *Модзалевскій Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. (Библиографическое описание). — СПб., 1910. С. 133—134.

обыкновенныя, и как то самое воображеніе, въ которомъ родились Валленродъ и Дяды, представляетъ картины извивыя»².

Нет сомнения в том, что подобная характеристика должна была осознаваться как своеобразный вызов русским поэтам. Тем более из уст Булгарина, чье этническое происхождение русские писатели помнили и поминали ему не раз (Булгарин, как и Мицкевич, был литвином, то есть славянином непольского происхождения из земель бывшего Великого Княжества Литовского; сейчас бы его назвали белорусом, но россияне первой трети XIX в. в такие нюансы не вникали и считали его поляком³). Кроме того, Мицкевич еще слишком недавно побывал в Москве и Петербурге, и триумфальное впечатление от его поэтических импровизаций хорошо помнили ведущие российские поэты⁴. Вместе с тем, как справедливо отмечал Булгарин в первом своем отклике на вышедший сборник Мицкевича, *«русскіе читатели знаютъ сочиненія Мицкевича по нѣкоторымъ отрывкамъ, переведеннымъ стихами и по большей части прозою. Смѣло можемъ увѣрить, что по всѣмъ этимъ переводамъ нельзя иметь ни малѣйшаго понятія о дарованіи Мицкевича, потому что перевесть его почти невозможно»*⁵.

² Цит. по: <Булгарин Ф. В.> Три Будариса. Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича // Сынъ Отечества и Северный Архивъ. Журналъ литературы, политики и современной исторіи, издаваемый Николаемъ Гречемъ и Фаддеемъ Булгаринымъ. 1829. Т. V. С. 113. Далее ссылка на данное издание дается в тексте, в скобках непосредственно после цитаты с указанием автора перевода.

³ См., например, ехидное замечание А. А. Дельвига в его рецензии на булгаринского «Димитрия Самозванца»: «Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою націю; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большимъ удовольствіемъ прочли повесть о техъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ». Цит. по: Дельвиг А. А. «Димитрій Самозванецъ». Исторический роман. Сочинение Фаддея Булгарина. 4 части // Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 219.

⁴ Молодой историк и член общества филаретов Николай Малиновский, в 1827–1828 гг. живший в доме Булгарина в Петербурге, писал Иоахиму Лелевелю, передавая рассказы (вероятно, самого Мицкевича) о прощании с польским поэтом в Москве: «Поэта провожали со слезами. Онъ отвѣчалъ имъ импровизацией, которая вызвала такое воодушевленіе, что поэтъ Баратынский, преклонивъ колена, взывалъ: Ah! mon Dieu, pourquoi n'est-il pas Russe?! etc». Цит. по: Мицкевич, Боратынский, Грибоедов в переписке М. Малиновского и И. Лелевеля / Вступительная заметка, подготовка текста, публикация и примечания А. И. Федуты // Philologica. 2003. Т. 17–18. С. 201. Ср.: «Импровизация была блестящая и великолепная. Жаль, что не было тутъ стенографа. Дѣйствіе ее еще памятно, но, за неизмѣненіемъ положительныхъ следовъ, впечатленія непередаваемы. Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этимъ огнедышащимъ изверженіемъ поэзии, были в восторгѣ». (Вяземскій П. А. Мицкевич о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаніяхъ современниковъ. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 134).

⁵ Цит. по: <Булгарин Ф. В.> Poezye Adama Mickiewicza etc. Собраніе стихотвореній Адама Мицкевича. Новое, умноженное изданіе, въ двухъ томахъ, въ 12-ю долю. С. П. б въ типогр. К. Края. 1829 // Северная Пчела. 1829. № 41. 4 апреля. С. 1.

В 1827–1828 гг., в Москве, и позже, когда Мицкевич прибыл из Москвы в Петербург, Пушкин неоднократно встречался с ним, в том числе на обеде у Булгарина⁶, отношения с которым у Пушкина в этот период еще не были натянутыми, как позже. Мицкевич был также приглашен к отцу русского поэта, Сергею Львовичу Пушкину⁷. Общение между поэтами шло по-французски: этот язык они оба знали в совершенстве, в то время как Пушкин еще не пытался переводить с польского (стимулом для этого стало как раз общение с Мицкевичем), а сам Мицкевич недостаточно свободно владел русским языком. Поэтические импровизации Мицкевича, ставшего позже прообразом Импровизатора в «Египетских ночах», также облекались в плоть французского языка⁸, что и вызывало столь яркую реакцию со стороны, например, Боратынского — так же, как и Пушкин, не знавшего польского языка. Даже если предположить, что Пушкин присутствовал при польскоязычных импровизациях Мицкевича, вряд ли они могли бы повлечь за собой желание перевести то или иное произведение польского поэта.

Следует отметить также, что в библиотеке Пушкина сохранились несколько изданий Мицкевича, в том числе два, содержащих в себе тексты, к которым позже Пушкин обратится в качестве переводчика. Это поэма «Konrad Wallenrod», выпущенная в 1828 г. той же петербургской типографией Карла Края, что и отрецензированный Булгариным сборник стихотворений, и сам этот сборник «Poezye Adama Mickiewicza. Wydanie nowe poprawione», вышедший в 1829 г. Характеризуя состояние второго издания (двухтомника), Б. Л. Модзалевский отмечает: «*Экземпляръ совершенно свѣжій; замѣтокъ нѣтъ*»⁹. Не исключено, что Пушкин пролистывал сборник, но он не вызвал у него живого интереса (именно в силу недостаточного знания языка). Вместе с тем именно в этом сборнике впервые и была напечатана баллада Мицкевича о трех сыновьях Будрыса, ставшая первоосновой для шедевра пушкинского переводческого творчества.

Таким образом, и польский текст баллады, и русскоязычный прозаический подстрочник Булгарина сами по себе оказываются недостаточными

⁶ Что зафиксировал в своем дневнике, в частности, все тот же М. Малиновский. См.: *Malinowski M. Dziennik. Wilno, 1921. S. 76–79.*

⁷ *Ibid.*, s. 47.

⁸ См.: «Для русских приятелей своих, не знавших по-польски, он иногда импровизировал по-французски, разумеется, прозою, на заданную тему. ... Чуждый ему язык, проза более отрезвляющая, нежели упоющая, мысль и воображение не могли ни подавить, ни остудить порыва его». *Вяземский П. А. Мицкевич о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 134.*

⁹ См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 288.*

поводами для того, чтобы разбудить пушкинский гений. Внешним толчком становятся события ноября 1830 г. — ноябрьского восстания в Варшаве, продемонстрировавшего существование реальной потребности польского народа отстаивать свое право на государственный суверенитет, возможность самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Известно, что российская интеллектуальная и творческая элита — за исключением П. А. Вяземского — поддержала карательные меры, принятые императором Николаем I. Пушкин в данном случае не был исключением¹⁰. Для него речь шла не столько о праве наций на самоопределение, сколько о праве Российской империи оставаться целостной державой и включать в себя земли и народы, некогда присоединенные при помощи оружия. Политические прокламации, каковыми являются стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», выражают именно этот подход.

Однако нельзя утверждать, что Пушкин страдает полонофобией. Достаточно вспомнить поляков, изображенных им задолго до восстания в «Борисе Годунове», — старика Юрия Мнишка, его дочь Марину, «гордую полячку», — чтобы убедиться в этом. К тому же позади болдинская осень 1830 г., когда в цикле «маленьких трагедий» поэт попробовал заговорить языками образов и использовать темы различных народов и эпох. Этот удавшийся во всех отношениях творческий эксперимент поэта — «Протей» (если использовать поэтический образ Н. И. Гнедича) позволил ему перенестись в Испанию, Австрию, Англию, Бургундию. Его поэтическая чуткость в этот период чрезвычайно высока.

Именно поэтому образ Мицкевича актуализируется в сознании Пушкина. Следует учитывать, что имя польского поэта после восстания 1830–1831 гг., когда его творчество стало знаменем борьбы поляков за независимость Польши, находилось в Российской империи под запретом. Книги Мицкевича провозились на российскую территорию нелегально¹¹. Фактически переводить его стихи можно было только анонимно, без указания на авторство. Перевод и публикация стихов Мицкевича, таким образом, становятся выражением человеческой позиции переводчика, внятной тем, кто осведомлен о первооснове публикуемых текстов (и в первую очередь многочисленным друзьям и со-

¹⁰ См.: Федута А. И. Еще раз о «Клеветникам России» («Польский вопрос» в пушкинскую эпоху) // Пушкин и мировая культура: Сб. научных трудов. — Минск, 2001. С. 47–65.

¹¹ См.: *Kopczyński Krz. Mickiewicz i jego czytelnicy: O recepcji wieszczki w zabozie rosyjskim w latach 1831–1855.* Warszawa, 1994. Это одна из серьезнейших работ, посвященная восприятию Мицкевича на польских землях, захваченных Россией в результате разделов Речи Посполитой. См. также: *Kacnelson D. Poezja Mickiewicza wśród powstańców. Wiek XIX.* Kraków, 1999.

отечественникам Мицкевича, продолжающим жить в Петербурге после его эмиграции).

Пушкинские переводы из Мицкевича «Будрысь и его сыновья» и «Воевода» были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения», редактировавшемся этническим литвином (как и Мицкевич, как и Булгарин) О. И. Сенковским, во втором томе за 1834 г. Переводы имеют подзаголовки соответственно «Литовская баллада» и «Польская баллада» (в последнем случае очевидно отступление от текста: «Czaty» у Мицкевича обозначены не как польская, а как украинская баллада). Вместе с тем, поскольку «Воевода» стал первым переводом на русский язык баллады Мицкевича «Czaty», он не вызывает у читателя каких-либо дополнительных ассоциаций (если только этот читатель не был знаком с оригинальным текстом баллады). «Будрысь и его сыновья» — словно ответ на вызов Булгарина трехлетней давности; баллада переведена в точности с соблюдением указанной Булгариным характеристики стиха Мицкевича: *«Форма стихосложения совершенно новая. В первом и третьем стихах окончательное слово на цезурѣ составляет рифму съ последнимъ»*. (Булгарин, с. 113).

Что Пушкин наверняка имел в виду вводную заметку соредатора «Сына Отечества» и «Северного архива», косвенно подтверждается переводом баллады «Czaty» — «Воевода». Эта баллада, в оригинале написанная тем же размером, что и «Будрысы», переведена на русский язык без соблюдения размера, хотя и с четким следованием сюжету и образной системе Мицкевича. Перевод же «Будрысов» с адекватным следованием не только сюжету, но и поэтической ткани текста является для Пушкина принципиальным именно потому, что, как заявил Булгарин, *«эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты рассказа и легкости»* (Булгарин, с. 113). Тем выше искушение перевести ее адекватно; Пушкин, бесспорно, в переводческой деятельности выступавший последователем В. А. Жуковского, придерживается его тезиса: *«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник»*¹². Есть и еще один аргумент, также высказанный Жуковским: *«Драйденев перевод Виргилия... знакомит нас с Виргилием гораздо короче, нежели все те, которые переводили сего стихотворца в прозе, по крайней мере, мы видим поэта, выражающего мысли другого поэта»*¹³. Это аргумент тем более действенный, что польский язык — родной для Булгарина, осмелившегося перевести польского Виргилия — Мицкевича — только прозой.

¹² Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 189 (выделено Жуковским. — А. Ф.).

¹³ Жуковский В. А. О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов // Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 284.

Попытаемся увидеть, насколько отличается поэтический перевод Пушкина от прозаического подстрочника Булгарина. Отличие начинается уже с перевода первой строчки. В этом легко убедиться, последовательно сопоставляя фрагменты оригинального польского текста и переводов, выполненных Булгариным и Пушкиным.

*Stary Budrys trzech synów, tęgich jak sam Litwinów,
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:
Wyprowadźcie rumaki i narządźcie kulbaki,
A wyostrzcie i groty, i miecze¹⁴.*

*Старый Будрысь, трех сыновъ своихъ, лихихъ,
какъ и онъ самъ, Литовцевъ,
Вызвалъ изъ избы и сказалъ:
Выведите коней, приготовьте сѣдла,
Навострите копыя и мечи (Булгарин, с. 113).*

*Три у Будрыса сына, как и онъ, три Литвина,
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! Сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами¹⁵.*

Очевидно, что первое отличие перевода от подстрочника — возвращение Пушкина к оригиналу в обозначении национальности героев баллады. Здесь мы вынуждены повториться. Понятие «Litwin», употребленное Мицкевичем, отнюдь не тождественно понятию «Литовецъ», употребленному Булгариным. Само слово «Litwa» обозначало в первой трети XIX в. территорию союзного Польше (Коронной Польше) Великого Княжества Литовского (ВКЛ), входившего вместе с Польшей в состав федеративного государства Речи Посполитой. И слово «Litwin» обозначало, в свою очередь, славян, являвшихся жителями ВКЛ, но не являвшихся этническими поляками, чаще всего этнических белорусов. (Собственно литовский этнос, предки современных литовцев, обозначались либо словом «литовец», либо «жмудин» — от наименования одного из исторических регионов Литвы, Жмуди или современной Жемайтии). Эту разницу чувствовали выходцы с земель ВКЛ, в том числе Мицкевич (неслучайно герои его баллады отправляются с набегом

¹⁴ Здесь и далее текст баллады Мицкевича приводится по изданию: *Mickiewicz A. Dzieła. T. 1. Warszawa, 1955. S. 309–311*. Ссылка на данное издание дается в тексте после цитаты с указанием страницы.

¹⁵ Здесь и далее перевод Пушкина цитируется по первому изданию: *Пушкинъ А. Будрысь и его сыновья. Литовская баллада // Библиотека для чтенія. Т. 2, 1834. С. 96–97*. Далее ссылки на данное издание даются в тексте после цитаты с указанием страницы.

на польские земли), и Булгарин, обращавшийся в письме к известному польско-литовскому историку-дилетанту первой трети XIX в. Теодору Нарбуту с самохарактеристикой: «Возможно, Вы слышали обо мне. Я тот самый Булгарин, литвин, который стал писателем на русском языке и издатель “Северной пчелы”».¹⁶

Мы не можем точно объяснить в данном случае, почему Булгарин, знающий разницу между словами «литвин» и «литовец», использует второе, явно отходя от авторского оригинала. Можно лишь предположить, что, по мнению Булгарина, термин «литвин» мог вызвать недоумение великорусского читателя, не знакомого с подобными нюансами. Пушкин же сознательно возвращается от подстрочника к оригиналу, пытаясь прежде всего следовать музыке ритма и рифмы баллады Мицкевича (понятнейшие различия между двумя словами вряд ли были знакомы и ему). Тем более что слово «литовец» также ранее употреблялось Пушкиным, в частности, в 1828 г. (то есть за шесть лет до «Будрыса и его сыновей») в его переводе вступления к «Конраду Валленроду» Мицкевича.

В целом, характеризуя «Будрыса и его сыновей», Р. Сидеравичюс отмечает: «В переведенной Пушкиным балладе обнаруживаем лишь незначительные отступления от оригинала. В третьей и шестой строфах меняется имя одного литовского князя: Скиргайла (Скиргела у Мицкевича) у Пушкина называется Пазом (это написание по европейской транскрипции фамилии литовских вельмож Пацов). Причина такой замены, на наш взгляд, чисто техническая — поэту было необходимо в этих строфах более короткое слово. В шестой строфе оригинала не упоминается Польша и поляки: для Мицкевича — это край “за Неманом”. Пушкин вводит эти точные географические названия обоснованно: перевод будут читать люди другой страны»¹⁷. Наблюдения исследователя справедливы, однако в данном случае тем более показательным становится сравнение пушкинского перевода с булгаринским подстрочником.

Булгарин стремится к буквальной точности, пытаясь передать балладу Мицкевича дословно, не адаптируя ее к восприятию русскоязычного читателя (поэтому, кстати, «географическое» наблюдение Р. Сидеравичюса оборачивается против Булгарина, в чем подстрочнике старый

¹⁶ Цитируется по публикации в нашем переводе с польского по изданию: *Булгарын Ф.* Выбранае. Мінск, 2003. С. 436. Оригинал хранится в Библиотеке Академии наук Литовской Республики, в фонде Теодора Нарбута F-18-185-27-1 и F-18-185-27-2.

¹⁷ См.: *Сидеравичюс Р.* Литовские мотивы в творчестве Пушкина // *Сидеравичюс Р. А. С.* Пушкин и Литва. Вильнюс, 1999. С. 13-14.

Будрыс наказывает третьему сыну: «*За Скургеиломъ, пускай перелетитъ третій за Нѣмань*»; Булгарин, с. 114). Вместе с тем мы становимся свидетелем, как издатель «Северного архива» и «Северной пчелы» исправляет оригинал (явно ухудшая его и делая менее понятным) в соответствии с собственными представлениями о чистоте русского языка: Булгарин, как известно, был пуристом и пытался воплощать в жизнь языковую программу карамзиниста Н. И. Греча¹⁸, не оставлявшую места для грубых и просторечных слов. Мы имеем в виду перевод характеристики, данной Мицкевичем (вернее, его персонажем) крестоносцам-пруссакам:

*Niech zaciagnie się drugi w księdza Kiejstuta cugi,
Niechaj tępi Krzyżaki psubraty...*

(Mickiewicz, s. 309).

Эти строки Булгарин переводит следующим образом:

*Пусть другой пристанетъ къ полчищамъ Князя Хейстута,
Пусть губитъ крестоносцевъ, Тубратовъ...*

(Булгарин, с. 114).

Дословно в оригинале баллады крестоносцы характеризуются как «песьи братья» — «*psubraty*». Булгарин делает вид, что «не понимает» значения этого слова и изобретает созвучие, которое должно заменить его («*Тубраты*»?). Созвучие, явно не имеющее смысла. Пушкин просто обходит эту «проблему»:

*А другой отъ Прусаковъ, от проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго...*

(Пушкинъ, с. 96).

Однако здесь у Пушкина, в свою очередь, возникает новая неточность, связанная с его переводческими принципами. Ориентируясь, как мы отмечали выше, на музыку стиха и отдавая ей приоритет по отношению к точности, он калькирует форму польского слова «*Krzyżaki*» («крестоносцы»), употребляя явный полонизм: просто адекватный перевод нарушает ритмику строки и разрушает систему рифм. Если это не является принципиальным для Булгарина, создающего подстрочник (но, как мы видели, отступающим от оригинала), то Пушкин вынужден пойти на стилистический сбой, оправданный его общей творческой установкой.

¹⁸ См.: «Гречь былъ окончательнымъ моимъ наставникомъ, и ему именно обязанъ я тѣмъ, что теперь не иду путемъ такъ называемыхъ нововведеній, т. е. что знаю духъ и свойство русскаго языка». Булгаринъ О. К портрету Николая Ивановича Греча // <Гречь Н. И.> Сочиненія Греча. В 5 ч. Ч. 5. СПб., 1838. С. XIII.

Таким образом, суммируя, мы можем отметить: переводя балладу А. Мицкевича «Trzech Budrysów (Ballada litewska)», Пушкин мог ориентироваться на подстрочник баллады, выполненный и опубликованный пятью годами ранее Булгариным¹⁹, воспринимая булгаринские примечания к переводу как своеобразный вызов. Вместе с тем он не следовал подстрочнику слепо, а обращался к оригинальному тексту, ориентируясь на него. Кроме того, перевод Пушкина и подстрочник Булгарина в ряде случаев отражают их различные переводческие установки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Учитывая, что подстрочник Булгарина никогда не перепечатывался, мы считаем необходимым републиковать его полностью, с соблюдением орфографии первопубликации.

ТРИ БУДРИСА

*Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича.*²⁰

Старый Будрисъ, трехъ сыновъ своихъ, лихихъ,
какъ и онъ самъ, Литовцевъ,
Вызвалъ изъ избы и сказалъ:
Выведите коней, приготовьте сѣдла,
Наострите копыя и мечи.

¹⁹ Использование опубликованного прозаического подстрочника было в порядке вещей: например, Д. И. Хвостов признается, что при переводе «Чатырдага» А. Мицкевича использовал прозаический перевод П. А. Вяземского — см.: Николаев С. И. Граф Хвостов — переводчик Мицкевича // Николаев С. И. От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 235–238.

²⁰ Эту Балладу въ подлинникѣ должно почитать образцемъ простоты расказа и легкости. Форма стихосложенія совершенно новая. Въ первомъ и третьемъ стихахъ, окончательное слово на цезурѣ, составляетъ рифму съ послѣднимъ. Для примѣра приводимъ одну строфу.

Stary Budrys trzech synów, tęgich jak sam Litwinów,
Na dziedziniec przyzywa i rzecze:
«Wyprowadźcie rumaki i narządźcie kulbaki,
A wy ostrzcie i grotы, i miecze.

Прелестъ языка потеряна въ переводѣ, но читатели увидятъ по крайней мѣрѣ, какъ Польскій Поэтъ умѣетъ замысловато рассказывать вещи самыя обыкновенныя, и какъ то самое воображеніе, в которомъ родились Валленродъ и Дзяды, представляетъ картины игривыя. — *Переводч.*

Мнѣ сказывали въ Вильнѣ, что скоро возгласятъ
Три похода, на три стороны свѣта:
Ольгердь нападетъ на Русскія селенія, Скиркомо на
Ляховъ сосѣдей
А Князь Хейстуть ударитъ на Тевтоновъ.

Вы сильны и здоровы, ступайте служить отечеству,
Да пекутся о васъ Литовскіе боги!
Сего года я <не>²¹ пойду на войну, но отъѣзжающимъ
дамъ совѣтъ:
Васъ трое, три для васъ дороги.

Одинъ изъ васъ долженъ спѣшить за Ольгердомъ на Русь,
Къ Ильмену, подъ стѣны Новагорода;
Тамъ хвосты соболю, тамъ серебряныя оклады,
И у купцовъ денегъ, какъ льду.
Пусть другой пристанетъ къ полчищамъ Князя Хейстута,
Пусть губить крестоносцевъ, Тубратовъ;

Тамъ янтарю, какъ песку, сукна чуднаго блескомъ,
И алмазныя ризы у святителей.
За Скиргеиломъ, пускай перелетитъ третій за Немань:
Не найдете тамъ въ домахъ вещей богатыхъ;
Но за то выберете славныя сабли и щиты,
И привезете мнѣ оттуда невѣстку.

Всѣхъ невольницъ милѣе Ляшскія красотки,
Веселенькія, какъ молодыя кошечки;
Лице бѣлѣе молока, рѣсницы черныя,
А глазки блестятъ, какъ звѣздочки.

Оттуда я, полвѣка предъ симъ, когда былъ юношей,
Привезъ <къ>²² себѣ — Ляшку,
И хотя она уже во гробѣ, но я все объ ней вспоминаю,
Когда только взгляну въ ту сторону!

Давъ такой совѣтъ, онъ благословилъ ихъ на дорогу:
Они сѣли на коней, взяли оружіе и поскакали.
Проходитъ осень и зима, а сыновей нѣтъ, какъ нѣтъ:
Будрись думаль, что пали въ бояхъ.

²¹ В журнальной первопубликации отсутствует, что является явной опечаткой — ср. с оригиналом: «Тего року nie jadę...» (Mickiewicz, s. 309).

²² В журнальной первопубликации явная опечатка — «къ» (Булгарин, с. 115).

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ вооруженный мужъ,
И подь буркой что-то большое прячетъ.
«Эй, это коробъ, а в коробѣ Новгородскіе рубли?»
«Нѣтъ, отче мой! это Ляшка невѣстка».

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ вооруженный мужъ,
И подь буркой что-то большое прячетъ.
«Вѣрно, изъ Нѣмечины, сынъ мой, везешь коробъ янтарю?»
«Нѣтъ, отче мой! это Ляшка невѣстка».

По снѣжнымъ глыбамъ, летить къ деревнѣ вооруженный мужъ,
Бурка оттопырилась, вѣрно много добычи!
Но пока онъ показаль добычу, старый Будрисъ приказаль
Звать гостей на *три* свадьбы.